

Алексей Ушаков

**Байки
долбанутого
королевства**

Алексей Ушаков

Байки долбанутого королевства

«Издательские решения»

Ушаков А.

Байки долбанутого королевства / А. Ушаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852956-6

Просто насмешка. Одна из многих. Писать тут больше — откровенная глупость, а написано столько, потому как издатели требуют в этом блоке настроичить не менее 120 символов.

ISBN 978-5-44-852956-6

© Ушаков А.
© Издательские решения

Содержание

Один вечер в замке короля	6
Как Хромой Жан отправился воевать	15
Ярмарка в Сингури	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Байки долбанутого королевства

Алексей Ушаков

© Алексей Ушаков, 2024

ISBN 978-5-4485-2956-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Один вечер в замке короля

В полутёмном зале практически не было слышно никаких звуков, тишина стояла оглушающая. Казалось, что внутри богато обставленной комнаты не было ничего, что могло бы проявить хоть каких бы то ни было признаков жизни, издав хоть самый тихий и неприметный звук. Комнату словно оставила жизнь, не было даже шороха вездесущих тараканов, что наводняли весь замок в весьма почтенном количестве, однако ж не доставляя прочим обитателям крепости хоть скольких мало-мальских хлопот, ибо в отличие от своих многочисленных собратьев, проживающее в замке тараканье племя твёрдо усвоило прописную истину: не попадаться на глаза никому, не только его величеству во время приступов гнева, тут не стоило оказываться подле короля и самой его дочери, а вообще всем. Усвоив это, тараканье племя зажило без забот, наслаждаясь щедрыми угощениями кухни королевского замка, потому как раз никто не наблюдал тараканов, то и никому и не приходило в голову проявлять рвение во время уборки, тщательно избавляясь от хлебных крошек и прочих милых тараканьим сердцам угощений. Но в эту комнату тараканы, сверчки и прочая живность, обитавшая в замке невидимой для людей, предпочитала не заглядывать не только по причине отсутствия здесь съестного (хотя мыши не побрезговали бы и огарками восковых свеч), в этой комнате не рискнул бы находиться никто, ибо здесь уединялся, предавался размышлениям и планам сам король, и стоило лишь подозрительному монарху, может быть даже и просто на всякий случай легонько придать дощечку подле письменного стола – магия «вычищала» комнату не хуже чумы, обрушившейся на малолюдное селение, только в миллионы раз быстрее и куда эффективней, потому как не оставляла работы не только могильщикам, но и стервятникам. Всё лишнее уничтожалось подчистую в мгновение ока и без следа. Придворный маг, создавший защиту, не зря ел свой хлеб и хвастался на каждом углу своим искусством. Впрочем, за последнее колдун был несколько раз нещадно бит самим королём, что заставило его поумерить своё чванство, однако характер не изменило совершенно. В конце-концов его величество махнул рукой на это досадное недоразумение и оставил колдуна в покое, потому как пользы от придворного мага было куда больше, чем вреда от его хвастовства. Колдун хоть и был хвастлив, но в помощи не отказывал никому, порой предотвращая бедствия в масштабах всего королевства, так что король рассудил, что лучше уж хвастливый и чванный добряк, чем воспитанный, а потому более опасный, ибо не знаешь, что ожидать от такого человека, колдун. Тут стоит упомянуть предшественника нынешнего придворного мага, его учителя, ибо должность свою колдун получил только из-за того, что учитель запропастился неведомо куда, притом совершенно внезапно и без каких-либо следов. Колдун надулся от гордости, надевая свою золочёную цепь и наряжаясь ко двору, а король лишь вздохнул, прикрыв глаза ладонью, увидев это «великолепие». Но заменить предшественника нынешнего колдуна было некому, его величество отчего-то не доверял выпускникам магических школ и академий, а потому стерпел хвастливого наглеца и впоследствии об этом не пожалел.

Тишина помещения раскололась грохотом открывающейся двери, в комнату неспеша проследовал монарх, а следом показался и придворный маг. Колдун щёлкнул пальцами, заставляя загореться свечи, а вскоре и заранее набитый дровами камин низко загудел, наполняя мрачную комнату теплом.

– Ваше величество? – придворный маг покосился на развалившегося в кресле мужчину.

– А, – король махнул рукой в неопределённом жесте, – пустое. Скажи, Седриксон, а давно ли ты не был на отдыхе?

Колдун промолчал, лишь пожав плечами в ответ.

– Полагаю, друг мой, что тебе следует отдохнуть, – продолжил король, – более того, я настоятельно рекомендую тебе наконец-то заняться собой. Виданное ли дело – главный волшебник всего королевства ни разу за всю свою службу так и не побывал на отдыхе?

– Ваше величество, – начал было маг, но был остановлен властным взмахом руки.

– Так вот, – продолжил монарх, – сегодня же ты отправишься в восточные графства, а именно в Креклоуд, где и проведёшь не менее месяца в своём новом замке.

– Но у меня нет никакого замка, – заметил собеседник.

– Есть, – король снял со стола свиток и протянул волшебнику, – и не говори мне, что я запамятовал, запамятовал ты, когда так и не соизволил явиться к канцлеру за всеми положенными бумагами. Двенадцать лет – не находишь, Седриксон, что ты слегка подзадержался?

– Но, – снова попытался возразить колдун, развернув свиток, однако король так и не позволил ему этого сделать.

– Немедленно, – его величество принял угрожающий вид, – и распорядись, чтобы доставили ужин сюда.

– Но принцесса Анна, ваше величество, вы ведь...

– Не думаю, – с усмешкой снова перебил собеседника пожилой мужчина, – что её высочество будет огорчена, тем более что она и сама сегодня вряд ли захочет чьего-либо общества, ну разве что позовёт на ужин свою Клару. Вот так. Ты ещё здесь?

Колдун моментально покинул комнату, а король, хитро посмеиваясь, придвинулся ближе к столу и занялся бумагами.

Минуло два часа, прежде чем Карбенс Второй отложил дела, потянулся в кресле и снял очки. Король дважды стукнул палкой по каменному полу и двери раскрылись, пропуская слуг.

– Мда, – король потянулся к кубку, – мда...

– А дела-то, братец, у нас полный швах! – донёсся весёлый голос из-за плеча мужчины.

Карбенс едва не подскочил от неожиданности, ибо полагал, что остался совершенно один, когда слуги, накрыв на стол, оставили по его знаку монарха в полном одиночестве. Но мужчина узнал голос и лишь досадливо сплюнул – вездесущий шут просочился и сюда.

– Поди прочь, дурак, – пробормотал король.

– Самый настоящий, ваше величество, – гордо надувшись, согласился шут, – других таких не сыскать.

– А, – король махнул рукой, потому как поток мыслей всё же был безнадежно сбит так невовремя появившимся шутом, – чёрт с тобой, братец, присаживайся.

– А где он? – деловито осведомился шут, оказавшись в соседнем с королём кресле.

– Кто?

– Ну, как кто? Чёрт, конечно же, – с самым серьёзным выражением лица пояснил шут, – Сколько раз, братец, ты говоришь, что он со мной, а стоит мне только попробовать свести с ним знакомство, так поминай как звали – нету!

– Ещё заглянет, – усмехнулся Карбенс Второй, – он всегда рыщет неподалёку...

– Скорей бы, – с глупой ухмылкой шут налил себе вина, – хотя, говорят, что два кувшина превосходного вина приведут его ко мне куда скорее, ну или меня к нему. Вот только лучше бы его ко мне, самому тащиться в такую даль недосуг.

– И то верно, – согласился король и взялся за жаркое, отставив серебряный кубок с тонкой гравировкой, – но будь покоен: рано или поздно мы все к нему попадём.

Шут ничего не ответил, выхлебав до дна свой кубок, а лишь потянулся к тарелкам, забастав себе ножку гуся и кусок говядины, а после совершенно по-хамски обошёлся с караваем, но его величество даже и не подумал сделать замечание придворному дураку. Дальнейший ужин неожиданно для короля прошёл в молчании, шут отчего-то в этот раз был неразговорчив, однако, с умным видом параллельно с ужином дуралей принялся сооружать на соседней тарелке башню из объедков и костей, под конец трапезы поместив на верх сооружения пере-

вёрнутый кубок. Конструкция стояла, не думая рассыпаться, но тут шут рыгнул во всю мочь и «башня» рухнула, кубок со звоном покатился по столу и шмякнулся на каменный пол где-то у дальнего конца стола.

– Вот так и мы, братец, – изрёк придворный дурак, – один чих, и всем нам под стол.

– То же мне, удивил, – проворчал монарх, – любой дурак это понимает.

– А умный? – уточнил шут, – Умный понимает?

– Понимает, но забывает, – сказал король, – так что в этом, братец, у тебя огромное преимущество. Есть новости?

– А то как же! – обрадовался шут, – Конюх прирезал второго свинаря, а один из наших доблестных рыцарей изволил свалиться в корыто. Жаль, что я не разглядел, кто именно это был, но этот достойный сэр рыцарь повёл себя крайне недостойно – негодяй обвинил в том её величество Хавронью Третью да и поднял на неё руку! Впрочем, – шут сделал картинную паузу, – матушку так просто не возьмёшь, да и рука у неё тяжела, к тому же верные подданные вступились за свою королеву, так что сэр рыцарь с позором бежал с поля брани, преследуемый многочисленным врагом, и найти спасение сумел лишь, провалившись в колодец, да и то только потому, что в спешке не заметил, как вскочил на него, а наша Фарали ещё не закрывала крышку.

В этот момент сквозь толстые стёкла каким-то чудом просочился вопль, а далее последовал поток отборной брани.

– Так что, – продолжил дуралей, – наш рыцарь по-прежнему томится в западне, а поскольку имеет слишком уж много «друзей», те никак не могут решить, кому же прийти на помощь попавшему в такое недвусмысленное положение товарищу.

– То есть, – осведомился король, – рыцарь всё ещё там?

– А куда ему деваться, братец? – шут налил себе ещё вина, – Летать он не выучился, верёвки от ворота уже оборвал своими глупыми тяжёлыми доспехами, а пока кто-то надумает сходить к кузнецу за цепями... Могут и не догадаться. Чего с вас, умники, взять?

Король не выдержал и против воли рассмеялся, а после присоединился к дураку, оказав тому помощь в опустошении кувшина. Когда осталось лишь на доньшке, монарх, покачиваясь, поднялся и потащил шута за собой во двор, где остановился перед колодцем и заглянул внутрь. Несмотря на непроглядную темень, его величество разглядел тусклое поблёскивание доспехов.

– Надо ему помочь, – шут с умным видом спустил штаны и без раздумий опорожнил свой кишечник прямым в колодец.

– Да ты, – рассвирепел король и от души врезал шуту по горбу своим посохом, – ты что, собака, удумал?!

– Помочь, – шут неуклюже бросился удирать от погнавшегося за ним монарха, – ведь известно, что не тонет, вот сэр рыцарь взберётся на это дело и хотя бы перестанет мокнуть в ледяной воде.

В этот момент из колодца донёсся очередной поток матерщины.

– Стоп, – король прервал погоню за своим дуралеем, – А куда это вообще все подевались?

Только тут до Карбенса Второго дошло, что за исключением его самого и шута во внутреннем дворе не было ни души.

– Вот, значит, как, – король оглядел окна и по лёгким движениям штор и занавесок понял, что недостатка в зрителях у него с шутком нет, – вот, значит, как...

Тем временем, пока король и шут всюю пьянствовали и развлекались, придворный маг собирался в дорогу. Столь неожиданное распоряжение его величества заставило колдуна задуматься, а не угодил ли он ненароком в опалу? Седриксон поднапряг память, пытаясь припомнить все свои недавние проделки, и какая же именно из них вызвала неудовольствие короля, так спешно отправившего колдуна фактически в ссылку, ведь графство находилось по сути

у чёрта на куличках и было самым отдалённым от столицы. И когда это Карбенс Второй соизволил пожаловать ему замок? Этого придворный маг тоже вспомнить никак не мог. Платил король своему колдуну неплохо, стол и кров тоже оплачивала казна, да и на левые заработки его величество смотрел сквозь пальцы, так что колдун при желании мог бы и сам прикупить себе замок и земли вокруг, так с чего такая милость? Или всё-таки ссылка, пусть и временная? Седриксон сломал всю голову, но в итоге плюнул на всё, решив не занимать мозг данным вопросом, а попросту добраться до графства, отсидеть положенный месяц в замке, да и тронуться потихоньку назад. В конце-концов от него не убудет, а подальше от глаз повелителя можно будет позволить себе несколько более того, чем придворный маг позволял себе в столице. Приняв это решение, Седриксон кликнул гоблинов, наказав погрузить его нехитрый скарб в повозку, ибо колдун решил лишний раз выгадать для себя время, сославшись в будущем на то, что кроме месяца в замке пришлось потратить время и на дорогу, а сам принялся подбирать одежду для путешествия.

Конечно, колдуну ничего не стоило щёлкнуть пальцами и оказаться напрямиком на месте, но Седриксон решил по дороге заглянуть ещё в кое-какие места, где как на грех магия не работала совершенно – о том особо позаботились местные обитатели, да и отношение к колдунам в тех местах было отнюдь не благожелательным. Естественно, главного придворного мага знало всё королевство, а вот бродячему волшебнику там бы не поздоровилось – последний из них, неосмотрительно заглянув куда не следует, был заживо сожжён драконом, потому как рептилии отчего-то разобиделись на всех колдунов, но вот придворного мага не рискнул бы тронуть никто. Ссориться с королём было небезопасно, ибо тот мог и из-за совершеннейшего пустяка объявить войну и сравнять с землёй всё по своей прихоти, что не раз уже и случалось. Поэтому Седриксон был уверен в том, что сможет беспрепятственно посетить намеченные места. Но соваться с пустыми руками в любом случае было бы невежливым, а потому колдун извлёк из тайника сундучок и принялся перебирать его содержимое, прикидывая, что сможет сгодиться либо в качестве оплаты, либо в качестве подарка. Сундучок хоть и был мал на вид, но был волшебным, вмещая куда больше его кажущегося объёма, а потому выбор затянулся.

Король и шут вовсю развлекались, придворный маг неспешно собирался в дорогу, остальные обитатели королевского замка, насмотревшись на очередную блажь его величества, вернулись к текущим делам, однако никому и в голову не пришло помочь уже почти большую часть дня сидящему в колодце рыцарю, о нём просто забыли, кроме одного человека. Фарали, оставившая крышку колодца открытой, чтобы дважды, а то и трижды не сдвигать проклятые тяжеленные деревяшки, сходила с ума от страха. Сэр Блумстен непременно дознается, кто невольно поспособствовал его нынешнему состоянию, а, дознавшись, уж точно не оставит безнаказанной служанку, хоть и виноват был во всём сам. Не тем человеком был рыцарь.

За этими невесёлыми мыслями служанка механически оттирала освободившиеся кастрюли, расставляла в шкафу кувшины, сметала остатки муки со стола и в очередной раз мысленно сожалела, что родилась в семье плотника, хоть и имевшего некоторые потомственные привилегии и служившего лично королю, а не семье хотя бы какого-нибудь барона. Уж тогда бы никакой рыцарь или даже граф не посмел бы и косо посмотреть в её сторону. Впрочем, Фарали со временем увидела, что не так уж и здорово быть дочерью барона или графа, а в особенности дочерью короля. Потребовалось время, чтобы взгляд научился подмечать различные мелочи, скрывавшиеся под блеском балов, светских мероприятий, свадеб и похорон, но когда служанка научилась заглядывать глубже, разочаровалась и даже обрадовалась, что её обошли стороной эти с её точки зрения ужасные вещи. Но – мысли мыслями, а вот завтра её непременно выдерут, как ни крути, а то и чего похуже. В этот момент в кухню с проклятиями ворвался повар, огляделся, заметил девушку и потащил к дальней печи, где всегда поддерживался медленный огонь, а в многочисленных горшках, кастрюлях и сковородах всегда наготове

была еда, дабы его величество в любой час дня и ночи мог отведать горячих блюд, если возникнет на то его желание.

– Ну, хоть в чём-то повезло, – проворчал повар, – хоть ты здесь, а то знаю вас, как конец дня – так разбежитесь по всему замку. Отнесёшь ужин её высочеству. Ах, за что нам эти несчастья?

– А.., – начала было Фарали, но была немедленно перебита мужчиной.

– Эта дурёха свалилась с лестницы и перебила всё, – отрезал повар, – да ещё и наш дуралей «отличился». Это сейчас-то его величество пьян и спустит всё с рук, а вот завтра... Ах, несчастье. И не вздумай набирать воду на кухню в этом колодце! Узнаю – сам пришибу.

Девушка в недоумении уставилась на повара, потому как в тот злополучный колодец люди уже попадали, однако ж никто впоследствии воду из него набирать не запрещал. Сама Фарали поспешила спрятаться в замке, едва узнав, кто именно попал в колодец, и более не высывалась во двор, любопытный же повар досмотрел «представление» до конца, а теперь поделился увиденным и со служанкой, снизойдя против своего обыкновения до разъяснений своего приказа. «Вот влипла,» – подумала служанка, переодеваясь в запасное платье неудачно свалившейся с лестницы подружки, пока повар готовил большой поднос, – «сэр Блумстен и это на меня как пить дать свалит, он в таких делах мастер. С дурака-то какой спрос? А виноватый нужен всегда.»

– Уснула? – сердитый повар сунул в руки Фарали здоровенный поднос, – Потом выписься, твоё счастье, что у её высочества сегодня есть кому прислуживать за ужином. Чего ждёшь?

Служанка вздохнула, принимая тяжёлый поднос, а после медленно побрела к лестнице. Хоть девушка и привыкла переносить тяжести, но именно подносов, уставленных посудой, до этой поры носить ей не случалось, что вызвало определённые трудности. Сам-то вес был для Фарали сущим пустяком, а вот удержать равновесие было несколько проблематичным. Служанка замедлила шаг, приноравливаясь к новому для себя предмету, а потому добралась до покоев принцессы Анны позже, чем следовало бы, однако доверенный ей груз сохранила в целостности. И так, Фарали оказалась перед дверями её высочества. Но как войти? Не ставить же поднос на пол? И не стучать же ногой в дверь? Принцесса, обладая вздорным характером, могла счесть данные действия и оскорблением, что могло повлечь за собой неприятные последствия, как будто бы Фарали мало было рыцаря, угодившего в свиное корыто, а потом уж и в колодец. Зачем лишние неприятности? К удивлению служанки всё случилось как раз наоборот. Двери распахнулись, на пороге показалась Клара. Одна из подруг принцессы моментально сообразила, в чём же именно дело, а потому подмигнула Фарали и раскрыла двери полнотью, сделав служанке знак внести наконец ужин в покои принцессы.

Фарали чуть приободрилась и шагнула со своим подносом внутрь, гадая, что же следует сделать дальше, потому как понятия не имела, а повар так и не удосужился ей объяснить, просто приказав отнести ужин её высочеству.

– А, наконец-то, – показала принцесса Анна, – Клара, закрой дверь да не стой там, иди к столу.

– Да, ваше высочество, – отозвалась девушка у дверей и выполнила всё в точности.

– Закрыто? – не обращая внимания на Фарали, осведомилась принцесса.

– Ага, – просто ответила Клара.

– Тогда можно без этих треклятых церемоний, – её высочество обратилась уже к Фарали, – просто поставь на стол, а дальше мы и сами управимся.

– Да, ваше высочество, – служанка выполнила пожелание Анны.

– Не утруждайся, – принцесса почему-то слегка помрачнела, – хе, «высочество», как же. Это на людях, для наших остолопов и папеньки, а так – просто Анна. Терпеть не могу всё это непотребство. У тебя есть ещё дела на сегодня? И где Гершина?

– Упала с лестницы, – ответила Фарали, ставя поднос на стол и освобождаясь от неприличного предмета, – и повар отправил меня. А дела... Да я ничего не планировала, думала почитать, а потом пойти спать.

– Мда, – усмехнулась Клара, – Говорили ведь ей, чтоб не торопилась, мы же не голодные драконы в конце-концов, от лишней минутки без еды не околели бы. А тут...

– Ну, поделом ей, – принцесса сама занялась подносом, ловко накрывая на стол, – Фарали, а что хотела почитать-то?

– Ну, – замаялась служанка, – Я сказки люблю, недавно начала «Легенды Зелёных Остров», всего листа три прочесть успела.

– Стоящая книга, – согласилась Анна, – сама зачитывалась. А ты сначала начала или сразу с первого тома?

– Это как? – удивилась Фарали.

– Понятно, – принцесса и Клара переглянулись, – Этот прохвост-библиотекарь опять зажуковал целый том. Понимаешь, тот, что под номером первым, на самом деле не первый. Эта история начинается совсем с другой книги, уж я-то знаю, я их все прочла. Хорошая книжка.

– А так бывает? – удивилась служанка.

– Ещё как бывает, – Клара взяла ломоть хлеба и разломил его, – сколько раз уже попадались. Ох, писари эти...

– Ну, если дел нет – присоединяйся, – предложила Анна, – время ещё не позднее, а завтра я своим распоряжением дам тебе как следует выспаться, у тебя и так забот хватает.

– Но... – начала было служанка, однако принцесса моментально перебила девушку.

– Если скажешь что-то вроде «а кто же тогда мою работу сделает?» – я с ума сойду. Знаю, что ты... Это ещё что? Опять?

Принцесса прислушалась к крикам за окном.

– Мда, – Клара подошла к окнам и выглянула, – Похоже, что никто так и не подумал про рыцаря. И как он туда вообще угодил?

Фарали против своей воли покраснела, но пока что никто этого не заметил.

– А шут хорош, – хихикнула её высочество, – Так и надо этому негодяю, знатно наш дурачок его проучил. Собака и хам, хоть и рыцарь, а сам чурбан-чурбаном, к тому же не умнее папенькиного шута. Но отец-то как себе такое позволяет? Меня вот за всякую мелочь дерут почти каждую неделю, а за такое... Видать, выпивал с шутком, других объяснений не вижу. Ох, плохо, ведь проспится завтра...

– Так вы знаете, кто там? – тихонько спросила служанка.

– По матюкам и выражениям догадаться было нетрудно, – Клара вернулась к столу, – сэр Блумстен, кто же ещё? Эй? Фарали?

Подружка принцессы заметила мимолётно изменившиеся выражение лица служанки, привлекла к этому и внимание Анны.

– Рассказывай, – потребовала принцесса.

Фарали тяжело вздохнула, отступать уже некуда. Сбиваясь и смущаясь, девушка выложила всю историю, а когда закончила и приготовилась получить очередной нагоняй, оно не последовало, более того – принцесса Анна вышла из-за стола и обняла служанку, вызвав у последней замешательство.

– Милая моя, – Анна ничуть не сердилась, – знала бы ты, как я хотела сделать то же самое. Но ты права, этот негодяй не успокоится. Я, к сожалению, не королева, и хоть я и принцесса – не так уж много я и могу, особенно касательно того, что относится к папенькиным воякам. Но, – девушка лукаво улыбнулась, – кое-что я всё-таки могу. Иди сюда.

Её высочество проследовала к низенькому столику, извлекла из ящика уже почти заполненный лист пергамента, ловко макнула перо в чернильницу, заполнила несколько пропусков и потрясла листом, чтобы чернила скорее высохли. После Анна приложила свою печать к доку-

менту, залезла в другой ящик, из которого извлекла золотую цепь и повесила на шею оторопевшей Фарали.

– Носи и не стесняйся, – сказала принцесса, – С сэром свиньёй я ничего поделывать не могу, а вот ты... Теперь и он не сможет, пусть зубами с досады щёлкает. И вот ещё...

Девушка свернула пергамент, сунула в руку служанки, плюс ко всему добавила в качестве подарка туго набитый монетами кошелек.

– Прости, что так немного могу, – продолжила Анна, усаживая совершенно растерявшуюся служанку за стол, – Но хоть так. И спасибо тебе, что хоть как-то отомстила за меня.

– Ваше...

– Просто Анна, – сердито фыркнула принцесса, – и давайте ужинать, не то всё остынет. Мне-то невеликая разница, бывало и хуже, но горячее и тёплое куда приятней, чем остывшее.

– Как мне отблагодарить ва... тебя? – Фарали уставилась на дочь короля.

– Это тебе спасибо, – возразила, вмешавшись в разговор, Клара, – Мы так давно хотели сделать ему какую-нибудь гадость, да так ничего и не придумали, чтобы не попасться. Коснись чего – нас-то король и слушать-то не станет, а своих вояк... В лепёшку для них расшибётся.

– Вот такой у меня отец, – Анна отпила из кубка и ткнула вилкой в тарелку, – Ох, Фарали, знала бы ты, как я завидую тебе.

– Завидуешь мне? – служанка была потрясена до глубины души этим заявлением, – Завидуешь простой служанке?

– Именно так, – её высочество прожевала кусок мяса, – Работа? Что ж, мне и так многое приходится делать самой, не развалюсь. Выдерут вожжами? Тоже мне, удивили – отец и так лупит меня каждую неделю.

Принцесса повернулась к столу, чуть приспустила платье, продемонстрировав многочисленные синяки и заживающие ссадины.

– Это я ещё легко отделалась на этот раз, – Анна вернулась к еде, – иной раз почти неделю встать не могу, рука у папеньки тяжёлая, а если он ещё и пьян... Не говори никому, а то король нас так отделает, ему ведь всё одно – что принцесса, что служанка, что рыцарь, да хоть и сам повелитель драконов, если и до него дойдёт его гнев.

– Но как так можно? – удивилась Фарали.

– Он король, ему всё можно, – вздохнула принцесса, – Да ещё и замуж меня выдать хочет, как будто я какая-то скотина, взял и сбаврил, а что я хочу... Потому и завидую, я ведь столько не могу, Фарали, а ты как раз можешь. Уж лучше была бы я служанкой, всё спокойней.

– Да, он король, – Клара потянулась к кувшину с молоком, – И ему нелегко, вот и срыгается. Покуда была жива её величество, наш государь и не мыслил о таком, а уж если бы в те времена кто сам бы на таком ему попался... Теперь иначе.

– Верно, – Анна положила вилку, наевшись, – Мама всегда знала, как его успокоить, а сейчас... Он хоть и старается, да всё к одному скатывается. Тебя-то, Фарали, родители не дерут?

– Никогда, – сказала служанка, – Ну, правда, было пару раз, но за дело. И то давно было, я уже и не помню почти.

– Повезло, – сказала Клара, – а мои хоть и не дерутся, но так выговаривают, что лучше б просто выдрали и дело с концом. А всё колдун надоумил, чтоб его дракон поджарил!

– Может быть, – сказала Анна, – и поджарит. Слыхали новость? Отец подарил Седрик-сону замок, но место выбрал... Как пить дать, не спустят колдуну его шуточки, если он не удержится, пока добираться будет. Огоньком может не обойтись. Убить-то не убьют, ведь кому главного королевского волшебника, чтоб с королём рассориться, убивать захочется? То-то и оно: король за него три шкуры сдерёт, а так бы уж давно Седрик-сону за его шуточки раскроили бы череп, тут его никакая магия не спасла бы, ну если только некромант какой поднял бы, да толку с такого покойника? Сожгли бы и всё.

– А некроманты? – осведомилась Фарали, – Разве остались ещё?

– А куда им деться? – Клара посмотрела на служанку, – Только их такими налогами прижали, что лучше уж воздух гонять. Тоже Седриксон надоумил. Сам-то он везде свой нос суёт, да и главный волшебник как-никак, с него не спросить. А некроманты почти все разорились, кто сбежал потом, кто в другую науку ударился, зато войны не было, когда кто-то из предков, правивших нашим государством, решил их огнём и сталью извести. Извели, как же, самих потом из могил подняли да на войну отправили. Плохо кончилось. А тут и не подкопаешься.

– Верно, – служанка напрягла память, – что-то я такое читала. Теперь понятно, почему некроманта днём с огнём не найти, а всяких воздушников пруд пруди, да и остальных тоже, особенно врачей-врачевателей всяких.

– Ага, – Анна откинулась в кресле, – Только и им не сахар: много их стало, цены вниз поползли, потому и дерутся между собой за каждый медяк. И лечат всё хуже, шарлатаны. Так лечить и я могу.

– Зато войны нет, – подружка принцессы последовала её примеру.

– Вот и Седриксон постоянно об этом талдычит, – её высочество недовольно фыркнула, – нет войны, оно и хорошо. А если будет? Кто воевать пойдёт? Блумстены всякие? Уж они навоюют. Они только с нами такие храбрые.

– А остальные? – удивилась в очередной раз Фарали, – А как же сэр Морлен? И его отряд?

– Джабел-то как раз человек стоящий, – согласилась Анна, – и люди его. Только вот сбежал давно сэр Морлен, да и его люди с ним. Сбежал и правильно сделал. Про это тоже не болтай, а то нас и за это выдерут до кучи.

– И как нас до сих пор насмерть ещё не запороли? – вздохнула Клара.

– И дело тут не в короле, – продолжила между тем принцесса, – отец-то хоть и дурит всю, но старается, делает что-то, а эти сидят, пыхтят как сычи, да только деньги тянут. И Седриксон, хоть он для нас только змей подколотный, сделал немало для королевства, потому его и прощают, пусть и ругают при каждом случае. А эти..

– Совет? – решила уточнить служанка.

– Они, – подтвердила Клара, – Отец пытался их расшевелить, но если уж они и короля не боятся, пока очередная голова не полетит только, что с ними канцлер может сделать? Гниль. Но зато парады красивые проводят.

– Ага, – глаза принцессы на миг вспыхнули злобным огоньком, – И так же красиво они меня подстрелили. Если б не шут наш придурочный, те стрелы, что вошли в его задницу, превратили бы меня в ежа, в покойного ежа.

«Вот так так,» – подумала Фарали, пока принцесса засучивала рукав платья и демонстрировала в подтверждение своих слов след от сквозного ранения, – «выходит, что я правильно подумала, что лучше уж быть простой служанкой. И получается, что столько никто не знает. Подумать только...» Анна между тем привела себя в обычный свой вид, плеснула себе вина и о чём-то задумалась на несколько минут, а Клара собрала пустые тарелки и нагрнула поднос, оставив на столе лишь два кувшина и кубки. Видимо, пора было убирать всё и нести обратно на кухню, вымыть и расставить по своим местам, а дальше уж вечер пойдёт обычным своим порядком. Так рассудила служанка и потянулась к подносу.

– А, – очнулась от мыслей принцесса Анна, – Погоди. Успеется.

Фарали коротко кивнула в ответ.

– Впрочем, – Анна опёрлась головой на руки, выставленные на столе, – грех лишать тебя части отдыха. Неси всё обратно, а после можешь быть свободна, при случае ещё поболтаем, а мне пока следует потратить время, а то завтра снова нагрянет мой учитель-мучитель.

– Мучитель?

– Образование, проклятое образование, – принцесса зевнула, – Лучше бы я в обычной школе училась, проще было бы. А с этим... с этим приходится повозиться. Доброй ночи.

– Да, ваше высочество, – Фарали поклонилась, подхватила поднос и направилась обратно в кухню.

На своём пути девушка ожидаемо не встретила никого. Дела были закончены, а потому обитатели замка предпочитали тратить своё свободное время на другие дела, нежели на бесцельное шатание по бесконечным лестницам, коридорам и переходам королевского замка. Но вот повар пожелал остаться на рабочем месте, ожидая возвращения девушки и мысленно надеясь, что первая подвернувшаяся в этот не столь удачный вечер ему под руку служанка не наломала дров. Каково же было его удивление, когда непонятно почему задержавшаяся Фарали гордо вплыла в кухню, сверкая толстенной золотой цепью на своей шее. Повар уж подумал рассердиться на такое нахальство, но вспомнил, что однажды уже попадал в нелепую ситуацию при схожих обстоятельствах, а потому передумал. Мужчина сам забрал поднос, снова покосился на цепь, а после коротким кивком головы отпустил девушку, решив привести в порядок посуду самостоятельно, а после наконец-то отправиться в кровать. Фарали пожалла плечами, да и потопала в свою каморку. Конечно, можно было бы отправиться к родителям, имевшим свой собственный домик, но служанка предпочитала жить в замке, чтобы экономить время, которое тратила на так любимое ей чтение и сон. Но после разговора с принцессой спать не хотелось совершенно, так же как и продолжить чтение новой книги. Фарали вздохнула, спустилась по одной из боковых лестниц и вышла во внутренний двор. Из колодца не доносилось никаких звуков, но служанка от греха подальше обошла его стороной, тихонько пробираясь в сторону конюшен, откуда рассчитывала попасть в сад, где намеревалась посидеть часок-другой перед сном, а заодно и обдумать то, что стало ей известно в этот вечер.

– А ты боялась, – шут возник напротив словно из воздуха, напугав Фарали.

– Что? – чисто автоматически спросила девушка, узнав придворного дурака и успокоившись.

– А ты боялась, – дуралей провёл рукой по подарку принцессы и усмехнулся, – Эй, эгей, я дуралей! Сам дурак, других дурачу, дураки все горько плачут! Всем на зависть я дурак, дуракам я всем дурак!

Шут подмигнул служанке и неспешно пошёл рядом. Девушка оглядела шута, на секунду задумалась, а после обняла простофилю.

– Никакой ты не дурак, – прошептала Фарали на ухо спутнику, – Всё ты знаешь. Спасибо.

– Дурак дураком, – возразил шут, – Вот какой умник до такого додумался бы?

– А сэр Блумстен? – спросила служанка.

– А, сэр свинья, – усмехнулся собеседник, – сэра кабана велено приказом самого короля не беспокоить до утра, а там кузнец его вытащит.

– Но как король это допустил?

– Ну, тут уж сэр рыцарь сам виноват, – шут напустил на себя серьёзный вид, снова подмигнул и скрылся в темноте.

Как Хромой Жан отправился воевать

Солнце клонилось к закату, медленно наступали сумерки. На скамейке возле убогой хижины на краю деревеньки степенно восседал пожилой человек, временами шурясь от косых лучей, иногда вздыхал, да продолжал неторопливо и важно набивать свою трубку. К этому нехитрому занятию человек подошёл серьёзно, не стал по примеру соседей запросто и без затей заталкивать табак внутрь, а ровно, аккуратно, слой за слоем, укладывал перемолотые табачные листья, ровнял, утрамбовывал, и лишь когда убедился в том, что трубка набита именно так, как с его точки зрения следовало, лишь тогда потянулся к одному из угольков в жестяной бочке, которая располагалась справа от его скамейки. Потянулся и с досадой крикнул, уголёк в его руке никуда не годился. Пристроив трубку на скамейке, Хромой Жан сосредоточился на бочке, решив найти подходящий уголёк, а не тратить своё время на огниво. Увы, мужчине не повезло, хоть и недавно прогорел всякий мусор в бочке, уголька подходящего так и не нашлось. Жан крикнул, выругался вполголоса, а после воспользовался иным способом получения огня, долго раскуривал трубку, плевался, но когда добился желаемого, развалился на скамейке и принялся неторопливо пыхтеть, выпуская облачка ароматного дыма в воздух. Вдалеке мелькнула тень, шустро скользя по небу и скрывшись недалеко от горного хребта.

– Разлетались, – проворчал Хромой Жан, недовольно засопев, – разлетались. Им-то, драконам, что сделается? Знай себе летают да гадят с небес на честных горожан. Тьфу! А мы, значит, тутдохнем да мёрзнем, а то и чума или ещё какая напасть. А вам, чучелы хвостатые, – мужчина пыхнул дымом и погрозил кулаком в небо, – только летать да гадить подавай.

Так Хромой Жан и сидел, продолжая пыхтеть своей трубкой, да ругать драконов. Впрочем, окажись на месте дракона гном или эльф, досталось бы и им, досталось бы любому, кто оказался бы на его глазах, Жан бы не постеснялся высказать всё, что пришло бы ему на тот момент в голову.

Хромая нога болезненно заныла, заставив сжать зубы и отвлечься от драконов.

– Хромой, – после короткого ругательства неведомо кому пожаловался Жан, – Хромой, говорите. Как стал таким, так и не нужен. А я, между прочим, был лучшим лучником этого сраного королевства, да и теперь кто со мной сравнится? Разве не я одной своей стрелой сшиб негодяя, вздумавшего резать короля? Разве не я ходил на войну больше раз, чем солдат в нашем войске? Все призы мои были! Учиться ко мне ходили, и зачем я, дурак, их учил? Выучил на свою голову...

Тут старый вояка проклял короля, наложившего на него запрет участвовать в каких-либо состязаниях по всему государству. Король, однако же, сопроводил запрет выплатой на пять лет вперёд по сумме призов всех проводимых для лучников соревнований. Но не того хотел Жан, хоть и от денег и наград лучник не отказывался никогда. Король, посчитавший по какой-то причине, что его лучнику не хватает жалованья, лишил своего вояку удовольствия, которое тот ценил поболее золотых монет и дорогих украшений. И если бы не случившиеся в те времена войны да мелкие стычки, обида на короля вырвалась бы раньше из глубины души стрелка. А что теперь? Получив увечье, лучник отправился прямиком в отставку, несмотря на то, что руки остались целы, а глаза были всё так же зорки и точны. Лекари, руководствовавшиеся распоряжениями Совета, списали Жана без всякого зазрения совести, а король, к которому всё же обратился Хромой, лишь подтвердил их решение. «Пора бы, Жан, тебе и честь знать,» – сказал монарх. Жан воспринял это как намёк на то, что превратился в старую развалину, разобиделся и промолчал, собрал пожитки, остатки жалованья и накопления, а после и был таков, отправившись на восточную границу, рассчитывая пострелять хотя бы там. Чтоб лучник, пусть и хромой, ушёл на покой в тридцать два года? Жан был с этим решительно не согласен. Какое-то время у стрелка работы было достаточно, потому как ополченцы, принявшие его к себе,

не попадали под действие закона о здоровье солдат короля, да и соседи-варвары так и лезли, пускать стрелы Хромому приходилось едва ли не каждый день. Да только каким-то чудом был заключён мир, ополчение распустили, тут-то и обрушились на лучника неприятности. И если раньше на него сыпались одни сплошь награды, то теперь лишь синяки да шишки, к тому же сам Жан нарывался на всё, на что только можно. Пришлось убираться из восточных земель, Хромой даже подумывал бросить своё ремесло, да только не утерпел, в итоге перессорившись со всеми, с кем только смог. Куда бы не направлялся Жан, гнали его отовсюду, с людьми лучник ужиться не мог. Так и оказался Хромой у гномов, капиталы свои стрелок не растерял, на это мозгов у него хватило, прикупил хибарку да и зажил среди рудокопов, иногда постреливая на потеху толпы, учил и желающих, словом – жизнь вроде бы наладилась, тут бы и успокоиться Хромому наконец, да не тут-то было: дал себя знать его характер.

Тут снова пролетел дракон, Жан вспыхнул, затушил свою трубку и бросился в хибару, вернулся с луком и выпустил в тень восемь стрел подряд. Дракон без труда увернулся от дровяшек со стальными наконечниками, хоть никакого вреда ему они и так бы не смогли причинить, развернулся, намереваясь продолжить полёт, но передумал. Благодаря своему отличному слуху дракон слышал все проклятья, изрыгаемые Хромым в адрес его соплеменников, глухо рассмеялся, спикировал над хижинкой и сделал ровно то, в чём обвинял драконов сам Жан, навалив прямо в полёте здоровенную кучу на Хромого, снова рыкнул, да и был таков. Более тратить время на престарелого недоумка дракону было недосуг.

Не стоит и говорить, что именно сказал Хромой Жан, выбираясь на поверхность из зловонной кучи, вопли лучника, совершенно непечатные, оглашали окрестности ещё добрых полчаса. В городе несомненно вмещалась бы стража, гномы тоже были не в восторге, но уже привыкли к таким выкрутасам соседа, а потому в очередной раз пожали плечами и вернулись к своим гномьим делам, не услышав для себя ничего нового. Как и дракон, рудокопы не посчитали нужным тратить время.

– А что я говорил? – Жан, убедившись в справедливости своих упрёков в адрес драконов, был этим доволен, – Летают да гадят только! А взять гоблинов? И...

Хромой неожиданно затих, потому как голову стрелка внезапно посетила идея. Идея показалась стоящей, Жан замолчал совершенно и принялся за расчистку окрестностей, а после заперся у себя в хибаре, затихнув окончательно.

Не показывался Хромой уже больше недели, гномы удивились – как это так? Уж не помер ли лучник? Звуки, доносившиеся из владений стрелка, удивляли ещё больше – судя по всему Жан занялся кузнечным ремеслом. Гномы, решив, что Хромой выдумал новую забаву, только посмеялись – куда ведь лучнику тягаться с лучшими мастерами? Сделает какую-нибудь никчёмную безделицу, повеселит народ, тем и кончится. Только зря они так думали, потому как понятия не имели, что Жан в своё время, перед тем как пойти на службу, сам был подмастерьем у кузнеца, а стрельбу считал баловством. Так что по окончании недели с небольшим перед гномами предстал упакованный в добротные доспехи Жан.

– Сосед, – гном по прозвищу «Котелок» заглянул первым, – да ты никак на войну собрался?

– Твоя правда, – довольный Жан разгуливал вокруг хибарки, опробуя доспехи, – вот я им всем!

– В этом? – презрительно фыркнул гном, указывая на доспехи.

– Выглядят и в самом деле паршиво, – согласился Хромой, – но зато сам сделал.

– Тц, не позорься, – посоветовал Котелок, – брось этот хлам, а если уж так приспичило, то племянник продаст тебе как своему. Целее будешь, если уж и вправду воевать собрался.

– Ох, сосед...

Лучник снял шлем, пристроил на пенёк, а после с пяти шагов выпустил из арбалета тяжёлую стальную стрелу. Стрела отлетела от шлема и едва не угодила в гнома, стоявшего неподалёку. Впрочем, гнома это не впечатлило.

– Удивил, – Котелок явно издевался, но Хромой и в ус не дул, – железо-то наше. Бери у племянника шлем, а то этот сам тебе голову свернёт, поди пуда три в нём?

– Тяжеловат, есть такое, – признал собеседник, – а ты, сосед, на стрелу-то посмотри, а потом уж хаять начинай.

Гном пожал плечами, но стрелу подобрал и пришёл в изумление: наконечник работы одного из лучших гномьих мастеров был туп, как пробка.

– Сам попробуй, – Жан протянул Котелку арбалет, заряженный точно такой же стрелой.

Гном усмехнулся и выстрелил, стрела так же отскочила в сторону от шлема, а когда Котелок подобрал её и поглядел на наконечник, то не поверил своим глазам: заточки как не бывало.

– Ого! – Котелок вытаращил глаза, – Да это как? Жан, ты хоть понимаешь, что ты сделал?

– Да ничего особенного, – Хромой снял шлем с пенька, – Будь ты мастером, то знал бы.

– Да я... – начал было по своему обыкновению кипятиться гном, за что и получил в своё время говорящее прозвище, но в руки себя взял, сменив тему, – И что ж ты дурью-то тогда столько лет маешься? Подучился бы у наших и цены б такому мастеру не было! А то знай только стреляешь, ругаешься, да дурь свою выплёскиваешь! Сосед, бросай свои глупости, пойдём к нашим, хоть толк будет.

– А мне оно на что? – осведомился мужчина, принявшись стаскивать доспехи, – Я, сосед, стрелять люблю да воевать, а это, с чего «толк будет», для меня и есть баловство. Лучник я, не кузнец.

– Секрет продашь? – тут же деловито осведомился Котелок, потому как явно можно было получить выгоду из сложившейся ситуации.

– Да какой тут секрет? – удивился Хромой, – И не продам: так покажу. Только сразу в дело не пускай – засмеют ведь, знаю я вас, гномов.

– Пусть так, – согласился Котелок, – За мной должок, Жан. А доспехи? Может, подогнать надо? Я это мигом, племянник поможет, он в таком дока.

– Да вроде нормально сидят, – пробормотал стрелок, – глянуть только если для очистки совести...

– Пусть глянет, лишним не будет, – решил гном, а сам от нетерпения принялся постукивать ногой, – Так покажешь?

– Ну, пойдём, – мужчина кивнул соседу, – только железо нужно, а у меня уже пусто.

– Найдём, – пообещал Котелок, – Сколько надо-то?

– Хм, – нахмурился лучник, – сосед, а если на тебя делать, сколько выходит? Столько и неси.

– Годится, – гном раскланялся и быстрым шагом удалился.

– Вот бестолочи, – покачал головой Жан, – Сами делают так, что и моему мастеру завидно стало бы, а ведь покойный Дуррен аж восемь десятков мастером был. И что я у него не остался? Нет, – Хромой потянулся к трубке, – правильно ушёл. Вот что б я делал в его вонючей кузне? Жизнь бы просаживал, а так...

Мужчина нежно погладил свой лук, вздохнул, собрал доспехи, подобрал с пенька арбалет, не забыл и про две стрелы, а после потащил всё в свою хибару и затворил двери. Там Хромой свалил поклажу в угол, покосился на очаг и решил, что настала пора перекусить. Котелок, пусть и загорелся идеей, спешить не будет. То есть, торопиться-то гном будет, да только как всегда запутается во всём и времени потеряет куда больше, если б не спешил. Так и вышло: Жан успел не только приготовить обед и съесть его, лучник так же неплохо вздремнул и успел выкурить трубку-другую, а потом и вовсе прогулялся до дальнего колодца за водой. Гном соизволил появиться лишь тогда, когда солнце уже почти закатилось за горизонт. Котелок прита-

щил с собой тук с железом и кое-какие инструменты, но вот обычной его торопливости Хромой не заметил. «Скорее всего,» – подумал стрелок, входя с гномом во двор, – «делиться ни с кем не захотел прощельга. Оттого и не спешил, вечера ждал. А о том не подумал, что долбить придётся.»

– Вот, Жан, – гном хвастливо продемонстрировал железяки, – Можно начинать.

– Ну, – стрелок осмотрел принесённое, – тогда гляди и запоминай.

Небольшая кузница, пристроенная к хибаре, была предназначена своим строителем для изготовления всяческих мелочей, а потому многого, что должно было иметься в мастерской настоящего кузнеца, в ней отсутствовало. Котелок уже бывал здесь раньше, потому и прихватил свои инструменты. Сам гном по большей части занимался «копанием в отбросах», как называл процесс добычи драгоценных камней Жан, однако ж в кузнечном деле разбирался, как разбирались все гномы.

– Зря тащил, не понадобятся, – указал на инструменты Котелка Хромой, – сейчас подадим огоньку и приступим.

– Но как же? – удивился сосед, – А как ты собираешься... Ладно. Сильно греть надо?

– Увидишь, – стрелок повернулся к горну и принялся за дело.

Спустя минут десять Котелок еле сдерживался от возмущения. Виданное ли это дело – так обращаться с железом? Гном едва удерживался от ругани, но желание заполучить секрет, а ведь Хромой Жан мог при случае и разобидеться и по меньшему поводу, заставляло гнома лишь молча качать головой, иногда вздыхая и выражая недовольство всем своим видом. Впрочем, самого стрелка это никак не смущало, тем более что Жан был полностью поглощён своим занятием и совсем не замечал присутствия соседа. А когда лучник закончил и бросил готовое изделие в кучу песка, Котелок всё же ругнулся вполголоса.

– Пошли чай пить, – предложил Жан соседу, – ещё остыть должно, тогда и испытаем.

– И это всё? – осведомился Котелок, потому как по его подсчётам «кузнец» пропустил как минимум три важных операции, неукоснительно выполнявшихся всеми гномами-кузнецами без исключений.

– Да, всё, – подтвердил лучник, – Пойдём, сосед, чай пить. Ты хоть запомнил?

– Да, – подтвердил собеседник, – запомнил. Но это форменное кощунство!

– Зато работает, – возразил Жан и принялся умываться прямо из бочки.

– Если бы сам не видел, то не поверил бы, – согласился гном и последовал за человеком, тот в ответ лишь пожал плечами и ничего не сказал.

Чаепитие удалось на славу. Как человек военный, Жан никогда не упускал возможности при случае вкусно поесть и попить перед походом, ведь когда ещё на войне выпадет случай? Как бы ни был щедр король, воякам зачастую приходилось и голодать, и мёрзнуть, и мучиться от жажды, всякое бывало на службе. Поначалу Хромой не понимал этого, с недоумением косясь на обжираловку и напивающихся до поросычьего визга старых солдат, но в конечном итоге стал таким же сам, побывав в нескольких неприятных ситуациях. Молодой ещё тогда лучник быстро научился ценить вкусную еду, свежую воду и тёплую постель. Вот и теперь, верный старой привычке, Хромой устроил настоящее пиршество, и то, что он назвал чаепитием, на самом деле более походило на ужин местных обжор в День Гномьей Тени, который праздновался ежегодно, но в разный срок. Праздник был хорош с точки зрения Хромого со всех сторон, хватало и еды, и развлечений, случались и драки, порой захватывающие всю деревеньку. Свежие булочки, жареные куры, пироги, салаты с мясом горных мышей, фрукты, фасоль со специями, сыры – чего только не было на столе Жана в этот вечер, плюс ко всему огромное количество чая. Бедолага Котелок, глядя на всё это великолепие, даже решил поначалу, что пропустил праздник. Ведь как ещё можно было объяснить устроенную стрелком обжираловку? Даже традиционные для Дня Гномьей Тени зелёные побеги растений присутствовали в нужном количестве. «Это

не к добру,» – решил про себя гном, поняв, что праздник он всё же не пропустил, – «но грех отказываться.»

За этим занятием гном и человек провели не менее двух часов, но расстроило это мало что одного, что другого. Жан не спешил никуда, Котелок наслаждался вкусной едой, забыв на время о своей главной цели. Что же, пришла пора возвратиться к доспехам и испытать их, что и было проделано. Стрелы отскакивали как горох от стенки, лишаясь острия. Гном перепробовал буквально всё – разные типы наконечников из разных материалов, менял расстояние, даже, пытая от натуги, натянул самый мощный из имеющихся на данный момент в распоряжении арбалетов и пустил из него стальную стрелу чуть ли не с шага от надетых на деревянный столб доспехов, но увы – пробить их не удавалось никак. Тогда Котелок решил использовать другое оружие, подхватил меч и что есть силы рубанул наискосок. Меч отскочил от доспехов прямым гному в лоб, хорошо ещё, что клинок повернулся и ударил его плашмя, не то быть беде.

– Хм, – Котелок почесал в затылке, – А если взять секиру?

– Не советую, – покачал головой Жан, – если не пробьёт и отскочит, то мало тебе не покажется.

– Вполне вероятно, – гном никак не желал сдаваться, – Но что-то же должно пробить эти железяки?

– Да гoblin его знает, – пожал плечами лучник, – Но вот если огонь... Тут уж не спасёт, поджаришься что твой кабан на вертеле, а то и запечёшься.

– Да уж, – скривился сосед, – Так и наши от огня не спасают. Дунет дракон – и готова котлета, уж сколько наших на том погорело в буквальном смысле.

– А, – стрелок наморщил лоб, что-то припоминая, – Тогда так же было? Ну, когда с драконами воевали?

– Было, – нехотя согласился гном, – Половину сожгли заживо, но и мы в долгу не остались.

– А как умудрились вообще? – спросил Жан, решив узнать, как же гномам удалось напугать драконов и свести короткую войну к переговорам и миру.

– Да маслом их всех залили, – поделился Котелок, – Они хоть и пуляют огнём, сами горят за милую душу, а так у них и нет ничего – ни копий, ни луков, даже самой поганой пращи не найдётся, только лапищами если своими махать могут да кусаться. Ливанули масла, да и попёрли толпой, нас всё одно больше было. Вот они и сдулись.

– Из-за чего хоть?

– Понятия не имею, – пожал плечами сосед, – Уже и не вспомню. Зато теперь эта срань тут не летает, но и мы к ним не суёмся. Так, торгуем иногда только. Их вообще не понять. Ладно – люди, орки, эльфы, те же гoblinы – всё тут ясно, а что хвостатым надо, они, наверное, и сами-то не знают. Вот пусть и сидят по своим норам.

– Не очень-то и сидят, – не согласился Хромой, – На днях одного видел, летал тут, да ещё и на меня кучу навалил.

– Могут, – согласился Котелок, – Зато не дерутся больше.

– Уроды, – Жан плюнул на пол.

– Вот что, – решил гном, – к лешим племянника, сам займусь, одевай свои железяки, подгоним как надо. А потом ещё комплект сделаем, только теперь я сам.

– Ладно, – согласился лучник.

Тем бы всё и закончилось, если б не одно обстоятельство. Любопытные водятся везде, не только среди людей, и как раз один и повлиял на текущие события. Маясь от безделья, один из гномов бродил по деревеньке и глазел на всё подряд, не зная, чем же себя занять, потому как овладевшая им бессонница вцепилась крепко и отпустить никак не желала. И надо ему было оказаться возле жилища Хромого как раз тогда, когда Котелок и Жан снова приня-

лись за дело. Крапивник, как звали любопытного гнома, сначала глазел во все глаза, а потом прислушался к разговору. Выходило, что Жан собрался воевать. Как это так? Почему никто и ничего не знает? Они тут сидят и ничего не делают, а где-то на них уже пошёл враг. Крапивник не стал дослушивать и метнулся домой, принявшись рассуждать, продвинувшись в своих рассуждениях настолько далеко, что утерпеть уже не мог, а потому перебаламутил всю деревеньку. Котелок и Хромой Жан уже давно завалились спать в доме лучника, а гномы засуетились, забегали, растревоженные Крапивником. И пока лучник и его сосед мирно дрыхли в кроватях, закусив и выпив перед сном, гномы без устали раздували горны, ковали железо, готовили оружие и снаряжались. Так что когда Жан наконец-то продрал глаза и вышел из хибары выкурить трубку с утра, то онемел от удивления: прямо перед домом лучника собралось гномье войско, полностью вооружённое и укомплектованное.

- Веди нас, Жан! – раздавались крики.
- Смерть врагам! – доносилось с другого конца.
- Победа за нами!

Толпа ревела и бесновалась, распаляясь всё больше. Ни Хромой, ни Котелок ничего не могли понять. Как бы их самих на куски не разорвали, могло ведь случиться и такое. Что тут поделаешь? Лучник вздохнул, обрядился в доспехи и вскочил на коня, которого подвели ему практически моментально. Толпа снова заревела от восторга, понесли воинственные крики, а затем гномье войско тронулось вслед за стрелком, который неспешно выехал на дорогу, по-прежнему ничего не понимая. Гномов охватил азарт, воинственное настроение захватило всех вояк, но отчего-то никто так и не удосужился вопросом: а где именно и, собственно говоря, с кем собирается воевать лучник? Почему-то выяснить это не пришло в голову никому. Так Хромой Жан отправился воевать.

Ярмарка в Сингури

Если верить легендам, то когда-то именно в Сингури взошёл на престол первый Повелитель Мира. Но это если верить легендам. Портовый городок, некогда богатый и успешный, в теперешние дни переживал не лучшие свои времена. Что толку с того, что Сингури был в незапамятные времена столицей мира? И то многие учёные не раз подвергали этот факт сомнению. Единственное, что было доподлинно известно, что столица королевства (а не всего мира) действительно была здесь, о чём свидетельствовало наличие неведомо как до сих пор уцелевшего замка, многочисленных резиденций и прочих построек поистине королевского масштаба. Такие здания содержать было хлопотно, и даже знать, та часть знати, что была богаче самого короля, трижды бы призадумалась перед тем, как заводить себе такое. Кому нужны лишние хлопоты и затраты, тем более что фактической пользы-то никакой? Это только короли и прочие герои легенд и сказаний швыряли деньги направо и налево, обычные же, реальные люди и остальные подданные короля считать умели, хотя и среди них водились чудаки и откровенные транжиры. Однако приверженность традициям и обычаям имела место быть, так что все постройки и сооружения поддерживались в относительно сносном состоянии, горожанам и в голову не приходила мысль о бесполезной трате казны на эти цели. Гости, посещавшие Сингури, были под впечатлением и сбор за посещение памятников не вызывал неудовольствия, было на что посмотреть. Горожане гордились и были довольны притоком путешественников. Но последовавшие в последние два с небольшим века войны привели город к упадку. Мало кто верил в мирные договоры с соседями, ибо те не раз их нарушали, а потому народ предпочёл переселиться подальше вглубь материка, куда ни разу не добирались высаживавшиеся преимущественно с моря завоеватели, пираты, беглые каторжники и прочие любители военной добычи. В Сингури формально сохранялся гарнизон, король исправно платил жалованье своим воякам, но те попросту сходили с ума от безделья, потому как мир, не смотря на все скептические взгляды, каким-то чудом устоялся и никто не лез в город с оружием. Да и толку было лезть туда, где пожить-то особо и нечем? Всё дело шло к тому, что Сингури со временем неизбежно превратился бы в город-призрак, а король, не желавший потерять такой удобный порт, собрал своих умников и нашёл выход, не позволивший Сингури опустеть и прийти в окончательное запустение. Да, большая часть грузов, отправляемых морем, теперь доставлялась в более удобный и безопасный Крантир, любители старины показывались редко, но зато теперь в Сингури проводилась ежегодно ярмарка. Королевская ярмарка. Что же в ней было особенного, за исключением названия? Что привлекало многочисленных посетителей и торговцев? Ну, во-первых, пониженные налоги. Во-вторых, ярмарка в Сингури была единственной ярмаркой, проходившей не под открытым небом. Другие города и селения не могли позволить себе подобной роскоши, а тут – другое дело: все древние сооружения, имевшие по истине гигантский масштаб, были использованы. И сооружений было много. Так что никакая непогода и прочие неприятности не грозили ни товарам, ни торговцам, ни покупателям. Кроме того, традиционные для всех ярмарок увеселительные и развлекательные действия тоже проходили в помещении, но и этого было мало, ибо в двух строениях единственный раз в году шли спектакли на огромных сценах. Уникальный для королевства случай, потому как залы могли вместить всех желающих полюбоваться игрой искуснейших актёров государства. Ни одна труппа, даже королевская, не могла себе позволить содержать подобного размера театра, ибо сие предприятие не окупилось бы никак. А тут, при покровительстве короля и Совета, можно было и блеснуть, показать себя, а уж после слава сама разнесётся по королевству и сопредельным государствам. И главное, актёрам не приходилось ссориться из-за зрителей, спектакли оплачивались из той части налогов, которые собирались с самой ярмарки. Неизвестно, кто именно надоумил короля на всё это, однако дельный совет помог и сохранить город, и пополнить казну,

и сгладить некоторую напряжённость между подданными. Этим кем-то вполне мог оказаться и Седриксон, только придворный маг никак не прокомментировал решение его величества и сам на ярмарке не показывался. Так что истинный автор изменений оставался неизвестным никому, разве что только королю, но Карбенс Второй словно воды в рот набрал.

Приготовления начинались каждый раз за два месяца до открытия, столько же требовалось на то, чтобы завершить королевскую ярмарку. Казалось бы – собери войско да и захвати столько добра, но никто не рисковал, потому как за два с половиной месяца прибывали дополнительные войска, кроме них приезжали волшебники, стекались наёмники и прочий люд, желавший подзаработать. Но не это, хотя и это тоже, останавливало потенциальных захватчиков и грабителей. Дело в том, что ярмарка была открыта всем. Абсолютно всем. И случись хоть один инцидент, король бы тут же «прикрыл лавочку», ибо поклялся так и поступить. А кому захочется остаться без необходимого и подчас редкого товара? Племя рудсвеннов нуждалось в шёлковой ткани, но ткачи, производившие нужные сорта, жили далеко, да и чтоб добраться до них, требовалось преодолеть территории гномов, с которыми племя издавна не ладило. Самим же гномам было плевать на шёлк, они предпочитали свои нехитрые с точки зрения постороннего изделия, но однако нуждались в редких инструментах, а их собратья из других кланов жили далеко, так уж сложилось. Впрочем, гномы могли бы и сами при случае наладить торговлю, так только гордость и спесь горного и подземного народа была непреодолимым препятствием, гномы рудсвеннов и за людей не считали, как и сами люди, тоже их не жаловавшие. А уж сами рудсвенны... Они были похожи на людей, чем-то походили на эльфов, а некоторые экземпляры смахивали на гоблинов или даже троллей, одним словом – непонятно что. И это непонятно что мнило себя чуть ли не центом мироздания, презирая всех окружающих со всеми вытекающими из этого следствиями. Как уж тут хоть с кем-то договориться? И ситуация была не единичной, хоть формально все и признавали власть одного короля. Были свои местные князья, царьки, королежки и вожди всех калибров и мастей. Но при всём при этом государство как-то умудрялось функционировать, два повода объединяли всех таких разных подданных. Первый поводом всегда была война, против захватчиков поднимались всем миром, не желая терять своё. Вторым поводом была как раз королевская ярмарка. Иногда случались и междоусобицы, куда ж без них, но королевские войска при случае могли всыпать всем участникам по первое число, не утруждаясь поиском правых и виноватых. Это остужало горячие головы, ведь дело могло дойти и до высшего суда, не кончиться простым «приехали и насильно помирили». Как правило участники внутрисосударственного конфликта, получив на орехи от рыцарей и копейщиков, надолго оставляли затею подраться с соседями, недовольство королём сближало недавних врагов. Самое смешное в том, что все прекрасно это понимали, и оттого не объединялись в попытке угробить короля, чтобы потом творить всё, что угодно без контроля из столицы.

Бесконечно можно обсуждать разношёрстных подданных и само королевство, с точки зрения соседей совершенно ненормальное, но вернёмся к ярмарке. В этом году должна была состояться двадцатая по счёту. Естественно, за число «двадцать» немедленно уцепились и принялись гадать, чтоб такого этакого придумать. Юбилей всё-таки. Но как на грех никто и ничего придумать особенного не смог, организаторы, коими выступали сам король, городские власти да комитет из Совета, приуныли. Такое событие, а в головах как на грех шаром покати, да ещё и хулиган Седриксон отбыл в свой замок. Колдун бы мог дать дельный совет, но никто не горел желанием призвать его обратно в столицу – умотал и слава богам, что умотал, пусть хоть и не навсегда. Пользы для государства много, а непотребства на порядок больше всякого. Шут тоже не проявил никакой инициативы, принцесса Анна начала подозревать, что всё могут спустить на неё и пригорюнилась, но пронесло, король в итоге решил, что чёрт с ним, с юбилеем, сойдёт и так. Чего голову ломать? Советники и принцесса Анна вздохнули с облегчением, а городские власти Сингури разозлились. Разозлились и разобиделись. Но делать всё же что-

то было нужно, и вот все представители собрались на городской Совет. Возглавил его, естественно, городской голова, коим на данный момент являлся барон Ваткирн, уже престарелый, но ещё довольно бойкий старичок. Собирались целую неделю, большинство не хотело вмешиваться, но пинками, уговорами и посулами собрать удалось всех. И что же? Едва все собрались, как тут же перессорились, городской Совет моментально превратился в базарную площадь, где закономерно вспыхнула драка. Барон долго и безуспешно пытался призвать всех к порядку, а когда его потуги не возымели совершенно никакого действия, рассердился ещё больше и принялся самолично лупить своим посохом всех, кто под руку подвернётся. Зря барон так поступил, в угаре озлобленные дворяне и чиновники не разбирали уже ничего, выплёскивая обиды, злость и недовольство, Ваткирн тут же получил в ответ оплеуху от кого-то из дерущихся и свалился под лавку.

– Вот уж, – вздохнул барон, затягивая к себе под лавку свой посох, – вот уж разбойники... Эй, гоблины безмозглые! Прекратить!

Никто и не повернулся на его сердитый голос, тогда Ваткирн придумал новую тактику. Дождавшись, когда рядом с лавкой окажется очередной упавший драчун, барон ловко огрел своим посохом по голове упавшего, а после шустро втащил его под лавку и затолкал дальше под стол. Удар вышел знатным, попавшийся старичку под горячую руку сокольничий надолго выбыл из строя.

– А вот так, – Ваткирн скрутил пленника его же поясом, – сосунки, это вам не с канцлером в прятки играть. Ну-ка...

Барон повторил вылазку, пополнив ряды пленных ещё двумя драчунами. С третьим вышла промашка, но старичок и тут не сплеховал.

– Чего смотришь? – рявкнул барон на главного цирюльника, – Помогай!

Обалдевший от такого мужчины чисто автоматически подчинился. С напарником «охота» пошла куда веселее, так что спустя минут сорок все собравшиеся, за исключением самого барона и главного цирюльника, все оказались под столом, оглушённые и связанные.

– Думаешь, так я их и оставлю? – самодовольно заявил барон, взгромоздясь на кресло городского головы, стоящее на возвышении, – Нет, братец, раз Совет начался, то уж он и продолжиться. Дай воды, Греч, и сам освежись, дел полно.

– Кворума нет, – главный цирюльник подал воду, сам присел рядом с бароном.

– Как же нет? – Ваткирн указал на кучу-малу под столом, – Все здесь, господин главный цирюльник. Вот отдышусь, тогда мы их усадим, охладим пустые, но буйные головы, а там и за дело.

– Могут и не простить, – промычал сквозь зубы Греч.

– Ну, тогда я их всех повешу, – отрезал барон, жадно глотая воду.

– Тогда может не простить король, – главный цирюльник взял кувшин и тоже стал поглощать влагу.

– Незадача, – почесал голову Ваткирн, – И что теперь – так всё бросить?

– Я бы так и сделал, – главный цирюльник пожал плечами, – указа королевского нет, чего голову и нам ломать, раз уж сам король решил ничего не делать?

– То-то и оно, – нахмурился барон, – его величество это одно, а тут совсем другое дело. Ведь с кого спрос? С нас.

– Это верно, – погрустнел собеседник, – ведь ежели чего, так опять мы крайние. А им и дела нет.

– Я крайний, – недовольно проворчал старичок, – опять за вас спину свою подставлять, а то и голову. А у меня две дочки и сам знаешь...

– И что делать? – осведомился главный цирюльник.

– Затем и собрал всех, остолоп. Думать надо.

– Это сомнительно, – мужчина указал на советников, которые покамест не очухались, – это не по их части. Тут колдун нужен, либо библиотекарь какой. А мы так выдумывать не обучены. Я-то только цирюльни свои гоняю, да их дела разбираю, а остальное... И все так же.

– Ага, – снова заворчал барон, – в том и беда. Нет у нас колдуна своего, а те, что в городе промышляют – так мелочь одна да шарлатанишки. Скольких третьего дня повесили?

– Двоих, – услужливо напомнил главный цирюльник.

– А за что? – продолжил Ваткирн.

– Порчу навели, – припомнил собеседник, – на стражников у северных стен.

– А кто платил? – не отставал барон.

– Дык, это, как его... Вот, пекарь наш главный. Обида у него за хлеб.

– А пекаря повесили? Нет. Стражники что? Так тоже нет.

– А их за что? – удивился главный цирюльник.

– А за то, – поделился старичок, – что задержку устроили и хлеб попортили. Кто-то разбираться стал, а? Нет. Ну и пошёл наш пекарь к этим недоучкам. А те, будь они неладны, чего-то не того натворили. За то и ответили. Ежели б из академии какой колдун был, всё б утряслось и порядок был бы. Да кто нам такого пришлёт? Седриксона просить? Себе дороже выйдет. Вот и бардак везде.

– Это да, – согласился цирюльник.

– Одна головная боль от вас, бестолочи, – покачал головой барон, – А раз так, то быть тебе, главный цирюльник, городским головой, а я на покой. Давно пора.

– А королевский указ? – собеседник был явно не в восторге от такой перспективы.

– А ты его читал? – усмехнулся Ваткирн.

– Ну, это, как его... – замылся мужчина.

– Что и требовалось доказать.

Барон встал с кресла, подошёл к столу, достал пергамент, мысленно прочёл несколько строк, а после принялся писать на чистом листе, затем скрепил готовый документ городской печатью, приложил и свою, подписал его и сунул оба пергамента главному цирюльнику.

– Вот, братец, – усмехнулся Ваткирн, – моя отставка и твоя должность с королевским указом впридачу. Владей. А я пошёл.

– Но.. но как же так? – цирюльник перепугался до полусмерти.

– А вот так, – бросил старичок, – имею на то полное право. Читал бы ты лучше, друг, королевские указы. С бездельниками этими сам разбирайся.

Барон в очередной раз ругнулся, положил посох на кресло и покинул зал, оставив главного цирюльника, а с сей минуты и нового городского голову, в компании оглушённых советников. Между нами говоря, барон уже давно втихаря мечтал избавиться от этой так надоевшей ему должности, но король упрямо отказывал в отставке, а тут подвернулся случай, грех было не воспользоваться лазейкой в указе, что барон Ваткирн и проделал, сняв с себя очередную головную боль и ответственность. Довольный собой, барон выехал в своё поместье и надумал с размахом отпраздновать свою отставку, чем к своему удивлению вызвал неудовольствие дочерей. Ваткирн имел крутой нрав, так же воспитывал и дочерей, так что после ругани бывший городской голова был вынужден в прямом смысле спасаться от разъярённых женщин, улепётывая во все лопатки по поместью, периодически уворачиваясь от летящих в его сторону предметов. В конце-концов барон был загнан в угол и на своей шкуре сполна прочувствовал методику воспитания, вбитую в его голову ещё собственным отцом, а теперь применяемую им самим к дочерям. Две довольно хрупкие женщины за час с четвертью отлупили Ваткирна так, как не лупил его и отец в худшие дни детства.

Потираясь и охая, Ваткирн поднялся с пола и пошёл в спальню, не отказавшись, однако, от мысли устроить праздник по случаю своей отставки. «Моя школа,» – с гордостью думал барон, потирая ушибленные места, – «Будет толк из этих дармоедок, не зря время потратил.

Прав был отец, только драл меня маловато.» Тут старичок в очередной раз призадумался над тем, как бы наконец найти дочерям женихов. А женихи как на грех обходили его семейство за версту, крутой нрав барона был известен всем, не прельщала их и возможность получить титул и значительное приданное. По крайней мере так думал сам барон, а вот теперь Ваткирн призадумался: в нём ли дело? Две дочери отлупили собственного отца как само собой разумеющееся, не задумавшись ни на секунду. Если поразмыслить, то кому охота получать тумаки? Да ещё от собственной жены? «Ох, мало я их всё же драл,» – подумал старичок, оказавшись наконец на кровати, – «мало... Кому теперь мои девки нужны? Одно дело – меня боятся, а эти две дуры? Неужто прибили кого и слух пошёл?». Барон, посмотревший впервые на ситуацию с этой стороны, крепко призадумался. Думал Ваткирн долго, но ни к чему определённом так и не пришёл, в итоге решив последовать примеру короля – то есть, не делать ровным счётом ничего. Если его величество не утруждается, то к чему тогда утруждаться простому барону? А там уж видно будет. Старичок успокоился, решив пустить всё на самотёк, да так и задремал, забыв о том, что решил отпраздновать свою отставку.

А между тем в городском Совете творилось вот что. Главный цирюльник, так неожиданно оказавшись городским головой, принялся рассуждать. По всему выходило, что на этой столь высокой должности мужчине ничего хорошего не светило, да и выгода, которую давало новое положение в обществе, не стоила усилий, на посту городского головы затраченных. Живой пример в качестве барона Ваткирна был перед глазами, а ведь дело могло пойти и куда дальше. И как быть? Уже городской голова перечитал пергаменты, покосился на советников, которые наконец-то стали приходить в себя, да и решил воспользоваться примером предшественника. К двум пергаментам добавился третий, количество подписей и печатей так же возросло, а главный цирюльник, пробыв на посту городского головы не более полутора часов, уже отправился в отставку, назначив преемником начальника гарнизона, потому как тот на своё несчастье очутился первым. Обрадовавшись, что так легко отделался, мужчина с лёгким сердцем покинул зал, и только на лестнице до него дошло, что отказался он не только от новой должности, но и совершенно профукал предыдущую. И как теперь быть?

– А, – махнул рукой мужчина, – пустое. Я-то всё равно в гильдии, без куска хлеба не останусь, а так куда меньше хлопот. Не каждый день так везёт, особенно цирюльнику, главному или нет – это уж дело-то десятое.

Успокоившись этой мыслью, теперь обычный цирюльник, как и барон до него, отправился домой. В отличие от Ваткирна, Греч семьи не имел, а потому его остаток дня прошёл мирно, то есть без ругани, без мордобоя и прочих «прелестей» семейной жизни, и никто не помешал господину Сартту нализаться старым вином как последней скотине.

Дурной пример, однако ж, весьма заразителен. Угадайте, как поступил начальник гарнизона, тоже неожиданно оказавшись городским головой? Так и пошло – должность городского головы примерили на себя в итоге все присутствующие в порядке прихода в сознание. Кипа бумаг росла как на дрожжах, но в конце-концов должен был остаться кто-то, кому не на кого будет свалить упавшее с небес «счастье». Бедолагой оказался младший писарь, хоть было ему уже за восьмой десяток, но радовались сбежавшие по домам бывшие советники недолго, посмеиваясь над простофилей. Старикана, едва тот ознакомился с пергаменами, хватил кондратий от такого головокружительного взлёта по карьерной лестнице, младший писарь дочитал всё, да и преставился, не выдержав такой нежданной новости. Никому и в голову не пришло наведаться в зал, все радовались за себя, а потому Сингури формально лишился власти полностью. Были, конечно, заместители и помощники у вчерашних советников и начальников, но вот беда – не осталось совершенно никого, кто мог бы ввести их в новые должности, а полномочия помощников и заместителей были ограничены, причём не только зоной ответственности того или иного ведомства, к коим они принадлежали.

Длилось всё это безобразие без малого две с половиной недели, длилось бы и дольше, если б не случай. Горожане и в ус не дули, потому как для них не поменялось ровным счётом ничего, а вот начавшие стекаться к ярмарке... Тут-то всё и всплыло на поверхность. И тут уж, скрепя сердце, пришлось действовать. И то – как действовать: было составлено послание лично для его величества, неделю искали подходящего гонца, столько же собирали его в дорогу, потом отправили бедолагу в столицу, но дальше этого ничего не пошло. Отправив письмо, все успокоились, дожидаясь ответа и не рискуя проявить инициативу на всякий случай.

А народ всё прибывал и прибывал, забот становилось с каждым днём всё больше. Пока король получит послание, пока настроит ответ, пока гонец вернётся в Сингури с новыми бумагами... Глядишь, уже и закрываться пора, хоть ничего открыто и не было.

Впрочем, Карбенс Второй, получив письмо, а после подробней расспросив гонца, едва не впал в ярость, а после неожиданно сменил гнев на милость, от души посмеявшись над произошедшим. Смеялся король не только потому, что позабавила его сложившаяся ситуация, монарх придумал, как же именно отпраздновать юбилей королевской ярмарки. Гонец по такому случаю не только не испытал на себе недовольство правителя, напротив – король отсыпал трясущемуся от страха парню полный кошель золота, затем хитро подмигнул, наказав как следует погулять и отдохнуть, а затем явиться к нему через два дня. Посланник раскланялся и поспешил сбежать. Карбенс Второй тут же закончил приём просителей и стал готовиться к путешествию. А что? В честь юбилея правитель лично посетит ярмарку, заодно с делами разберётся на месте и уж тут-то повеселится от души, потому как в столице царила скука, порядком утомившая короля однообразием. Если не брать в расчёт угодившего в колодец рыцаря, сколько-нибудь весёлого или значительного за последние месяцы не случилось, да и то – многое попросту не доходило до его величества, а тут такой случай, что и нарочно не придумаешь, стало быть надо ехать самому, благо и повод есть, да не один.

Собраться в дорогу дело нехитрое, а вот на кого оставить всё королевство? Если сам Карбенс будет в отъезде, кто займётся государственными делами, требующими личного участия монарха? Мужчина призадумался, прикинул время, припомнил текущие дела, а после самлично набросал указ, подписал его и приложил печать. «Уж с этим-то она справится,» – решил король, помахивая пергаментом, – «да и не так уж надолго я уезжаю. Однако...» Карбенс велел позвать канцлера, а когда тот явился, передал ему пергамент и сказал:

– Огласить после моего отъезда, не раньше. Есть что ещё на подпись?

– Да, ваше величество. Нет, ваше величество.

– Вот так. Да, ещё одно – сэра Блумстена ко мне. Со мной поедет от греха подальше.

Канцлер поклонился и отправился выполнять распоряжение, король же пожелал отобедать и наказал никого к нему не пускать, а ежели снова заявится шут, то выдрать последнего прямо на месте.

Шут, словно почуяв грозившие ему неприятности, так и не объявился. Карбенс Второй, удивлённый этим фактом, велел разыскать придворного дурака, а сам, закончив обед, прошёл в конюшни. И встал как вкопанный, обнаружив там своего дуралея, который гордо восседал на перегородке и от души лупил её вожжами, периодически отпуская сальные шуточки в адрес конюхов.

– Эгей, братец! – шут заметил короля и решил похвастаться, – Смотри, как я могу! Без меня эти лентяи и пальцем не шевельнут. Всех выпорю! И сахар отниму.

– Славно погоняешь, – усмехнулся Карбенс Второй, – а ежели поддашь как следует, глядишь, и к морю тебя к вечеру доведёт твоя лошадка.

– Да что там к морю – на край земли к ужину поспею! – ответил дурак, а сам задумался, сумеет это скрыть от короля очередной шуткой.

– Вот этого не надо, – монарх сделал серьёзное лицо, – свалишься ещё, дурак, а где я себе такого шута найду? За тобой не полезу.

– Да я б и сам за собой не полез, – шут прыгнул с перегородки, – дураки, братец, страшные люди, сам себя боюсь, вдруг чего умного скажу? Я ж с ума сойду! И так дурак, а ежели ещё и сумасшедшим стану? Кто меня тогда слушать станет?

– И то верно, – поддакнул правитель, – Но дурак ты или сумасшедший дурак – это дело десятое. Дело есть, братец, но только аккуратно надо.

– Я весь внимание, – зашептал шут, оказавшись в мгновение ока за правым плечом короля.

– Я тут в гости поехать надумал, – сказал король, чуть прищурившись, – гостинец-то я уже заготовил, – мужчина хитро улыбнулся, – да только вот что подумал...

Король не афишировал своего визита, но и тайны из него не делал. Когда Карбенс Второй прибыл в Сингури, то сделал это как обычный путешественник. Вся разница состояла лишь в том, что он был королём, а сопровождавшие его телохранители – так не один он пользовался услугами наёмников, что с того, что их целая куча? Да и сами рыцари при случае не брезговали заработать лишних золотых, иной раз и просто от скуки, а не от случавшегося порой безделья. Гонец, отправленный из Сингури, ехал вместе с Карбенсом Вторым, а потому никто в городе не знал о визите короля. Одним словом, монарх въехал в город подобно обычному баронишке со своей свитой и охраной, въехал буднично и незамеченным.

В пути король задумывался о том, что же именно он сделает, прибыв на место. Уж сколько раз он дивился временами сваливающейся как снег на голову глупости, сражавшей без разбора вполне разумных подданных (про дураков и говорить не приходится), да только каждый раз случалось что-нибудь новое. А такого, что произошло в Сингури, ещё не случалось. Думал Карбенс Второй всё же недолго, решение нашлось самое простое и самое очевидное. Так что уже в пути король написал нужные указы, подняв вверх по служебной лестнице всех заместителей и помощников, осталось лишь решить, кого сделать городским головой и как и кем заполнить нижний, освободившийся уровень. Население немногочисленно, да и гильдии сильны в Сингури, кто захочет снизить свои доходы? Придётся уговаривать, грозить, обещать, словом – всё как обычно. Или пригласить из других городов нужный люд. Карбенс поднапряг память, прикидывая, кто захочет начать свою службу с самого низа, но кроме бездельников из Храерта никто на ум не шёл, а Храерт тем и славился, что был так сказать «столицей лентяев». Удивительно, как там вообще до сих пор ничего не развалилось. Впрочем, надо отдать должное жителям рая для всех лентяев, ведь известное мнение, что лень является двигателем прогресса, те принимали как руководство к действию и в своём стремлении к ничему неделанью проявили недюжинные способности к изобретательству и выдумкам. Не хотелось бы превращать Сингури в ещё одно место, где лень возводилась на пьедестал, но кого ещё звать? Определенно, тамошние лентяи будут рады новым собратьям, готовым помочь в их нелёгком деле, а ну как эти настроения распространятся на весь Сингури? Довольно и одной «столицы лентяев» в королевстве. Но никого другого под рукой не было, так что Карбенс Второй, тяжело вздохнув, написал и этот указ, а чтоб не терять времени, сразу отправил гонца в Храерт. Ярмарка должна открыться скоро, так что терять время не следовало.

Решив по пути все накопившиеся касательно этого дела проблемы, король тихо въехал в Сингури и первым делом пожелал отужинать, а уж потом заняться городским головой, точнее говоря – его поисками. Для ужина его величество избрал гостиницу «Старый козлище», где и остановился со всей охраной и сопровождающими. Король, оценивший местные специи по достоинству, тоже поддался греху чревоугодия, а после завалился спать, как и его охрана. Так что к делам Карбенс приступил на следующий день, и то сперва сытно позавтракал, чуть подремал, и уж потом отправился в городской Совет. Пробыл он там недолго, ибо слух всё же прошёл о его приезде, так что в зале собрались все заинтересованные лица. С этим король покончил быстро, прогулялся по пристани, а после, возвратившись в Совет, потребовал списки

всего местного дворянства и служащих. На это и ушёл весь день. Карбенс листал бумаги, перебирал пергаменты и свитки, думал, а чем больше думал, тем больше злился, ибо поставить на место городского головы было совершенно некого, за исключением что сбежавшего в отставку барона Ваткирна. Не звать же на должность очередного лентя из Храерта? Будет с них и нижних чинов. У себя в городе пусть делают всё, что сами хотят, но Сингури... Нет, здесь должен занять пост городского головы совершенно иной человек. «Стоп,» – подумал Карбенс, отложив очередную бумагу, – «а почему именно человек? Что мешает мне поставить на должность, скажем, орка или гоблина, а то и гнома? Есть же на схожих должностях такие. А что мешает мне проделать тут такое же? Если уж своих нет подходящих, людей то есть, неужто у кого ещё дурней народ есть? Ну, гоблины отпадают – сами не пойдут, эльфы – нет, они тут всё загадят, превратят Сингури в лес, а то и в болото. Орки? Фу, кочевники, из-за них все разбегутся. Рудсвенны? Ещё не чище, возомнят себя владыками мира или чего ещё похлеще. Гномы? Вот это уже ближе. Хотя, если из нормальных, то помешаны на порядке, так тут вся торговля захиреет.» В итоге, окончательно запутавшись, Карбенс Второй решил отложить это дело на следующий день, а пока посмотреть, что творится в городе самолично. С четырьмя телохранителями его величество принялся бродить по городу и соваться везде, где только можно. Но жители ожидали подобного поведения, потому как барон Ваткирн поступал так же, а потому ничего особенного король так и не увидел, показуху тут выучились устраивать мастерски. Понимал это сам король, понимали и горожане, да только никто не хотел что-то менять.

Так и пролетело время. Король постоянно откладывал решение на потом, прибыли бездельники из Храерта, затем началась подготовка главной сцены, потекли другие дела, а Карбенс так ничего и не решил. «Надоело всё,» – думал монарх, поедая очередную порцию салата, – «был бы у меня наследник... Сюда бы отрядил. И что с того, что по традиции наследнику положено править до смерти короля лишь Урту-даш-кот? Я там со скуки едва не подох. И отец до меня, и дед, и прадед, только королева Натарина всю жизнь просидела в столице, так она ж бабой была. Пожалуй, пусть Анна правит в Сингури, будет чем заняться. И, чего греха таить, она и сама так и думает, как бы от меня отвязаться. А что? Вполне логично. Принц – отправляйся в Урту-даш-кот, принцесса – топай в Сингури. И сиди там, пока король или королева концы не отдадут, а там уж езжай в столицу и бери корону.» Идея королю понравилась, указ был написан, утверждён королевской печатью, а после гонец немедленно отправился в столицу. Карбенс довольно потёр руки, вспомнил придворного колдуна, прикинул время, да и решил задержаться ещё, но на открытие самой ярмарки не оставаться – это целиком достанется принцессе Анне, как раз займёт своё место, ей и отдуваться.

Решив всё, да и отдохнув несколько дней, Карбенс тронулся в обратный путь, ибо согласно закону столица не могла оставаться без правителя, на месте всегда должен был быть либо сам король, либо тот, кому на время отъезда монарх передавал власть над всем королевством. Сам Карбенс особо не задумывался о том, как во время его отлучки правила дочь, ибо король полагал, что в качестве правителя принцессу Анну никто не будет воспринимать всерьёз, а значит все чудачества, которые могла удумать принцесса, в жизнь так или иначе не воплотятся, так что волновался он не особо. И не торопился, посетив по дороге пару городков поменьше да прикупив несколько безделушек. Но время идёт, текут события, и Карбенс Второй в итоге добрался до столицы, и как только монарх пересечёт границу города, дочь из правителя всего королевства автоматически превратится в правительницу одного-единственного города и его окрестностей.

Видимо, новая должность, несмотря на возможность сбежать подальше от отца-самодура, принцессу Анну не впечатлила, ибо как только король достиг городских стен столицы и вознамерился въехать, то узрел через открытые настезь городские ворота главной башни следующую ему навстречу процессию – принцесса двигалась ему навстречу с явным намере-

нием покинуть столицу в тот же момент, в который в неё въедет Карбенс Второй. Король едва не вспыхнул, но чему-то улыбнулся в своих мыслях и как ехал, так и проехал мимо принцессы как раз в воротах, даже не взглянув в её сторону, устремившись сразу во дворец.

Принцесса Анна и вправду была зла на своего отца, потому и решила демонстративно покинуть столицу в момент его возвращения. Девушка собралась почти сразу, едва получив документы, затем подобрала спутников, прихватив с собой и Фарали, и свою подругу Клару, чему очень противился канцлер, но поделаться ничего с этим не мог, долго загружала всевозможным барахлом повозки, а затем тронулась в путь. В воротах отец даже не посмотрел в её сторону, что сама принцесса восприняла как дурной знак и поспешила от греха подальше прибавить ходу. Конечно, Анне было невдомёк, что король ничего и не думал такого на её счёт, но кто знает? В общем, планировавшая по пути заодно погулять и развеяться принцесса от плана своего отказалась и прибыла в Сингури без задержек, тут же вступив в должность, по случаю чего устроила бал и шикарное застолье, но удовольствия от этого не получила, оценив достоинства своих новых подчинённых.

Эх, править одним городом... Принцесса была недовольна. Если уж быть до конца честным, Анна не видела себя правительницей вообще. Зачем столько головной боли? Она уже побыла фактически королевой всего государства и хватило девушке этого сполна. Да, принцесса воспользовалась полномочиями и к своей выгоде, где-то даже к своему удовольствию, но остальные, требующие постоянного внимания дела, Анну совсем не вдохновляли. А тут ещё эта проклятушая ярмарка...

Делать нечего, требовался совет со стороны. А к кому ещё обратиться, как не к бывшему городскому голове? Анна в сопровождении Клары и Фарали отправилась напрямиком в поместье барона Ваткирна, но когда прибыла, не застала ни самого барона, ни его дочерей.

– Вот уж невезуха, – проворчала принцесса, решившая не тратить время на поиски барона или кого-то из его семейства.

– Видимо, этот барон не так глуп, – съязвила Клара, помогая принцессе вскарабкаться на коня, а после ловко запрыгнула в своё седло.

– Или он что-то задумал, – подала голос Фарали, уже сидевшая в седле.

– Нам нужен свой колдун, – решила принцесса и легонько тронула шпорами коня, – пусть у него голова болит. Заплатим, не обеднеем.

– И где нам его взять? – осведомилась Фарали, – Из академии? Так у них всё по спискам и в порядке очереди, всё уж на века вперёд расписано.

– А если наймём кого со стороны, – добавила Клара, – выдерут нас всех.

– А то нас и так в случае чего как будто не выдерут, – усмехнулась Анна, – Одно хорошо: сами себе хозяйки, а пока до папеньки дойдёт...

– С этим не поспоришь, – согласилась дочь канцлера, – Но вот что я подумала: если в каждом городе есть свой главный колдун, то почему его нет в Сингури?

– Опять копаться в этих бумажках, – принцессу перекосило от такой перспективы.

– Открыть бы свою академию, – протянула Фарали, – да кто ж нам даст?

– Да это на самом деле не проблема, – принцесса чуть отпустила поводья, – Лучше подумать, как мы сами жить будем. Денег-то особо у нас нет у самих, а если полезем в казну...

– Да, тут ты права, – согласилась Клара, – Жалованье у нас невелико, но раньше у нас и того не было. Проживём. А академия?

– Ну, – сказала Анна, – Мешать не будут. Папенька отправит в Совет, те отправят в академию, а потом все скажут, что не возражают, только денег нету. Найдёте – открывайте, да сами платите и содержите. Налоги для вас поднять? Нет уж, и так много со всех берём. Перераспределить бюджет? Нельзя, уже всё сосчитано. И так далее...

– А за просто так никто не пойдёт, – добавила Фарали, – если только ученик какой, но разве ж это колдун? Без диплома никак.

– Ладно, подумаем при случае и над этим, – решила принцесса, – а пока что пусть всё идёт само по себе.

– Но это двадцатая ярмарка, – уточнила Клара.

– Да хоть сотая, – проворчала Анна, – Мы и так тут застряли. Впрочем, есть у меня идея, да только она не нова. Однако, сгодится.

Прошло время с этого разговора, а почти ровным счётом ничего не изменилось. Подготовка к ярмарке проходила как обычно, принцесса Анна и её подруги никак не вмешивались в это дело, разве что подобно предыдущему городскому голове ездили везде, да глазели всюду, потому как девушкам это было в новинку, а барон Ваткирн в своё время ещё и влезал при случае везде, но принцесса, не разбираясь в новом для себя деле, не желала вмешиваться, за что все были ей благодарны. Но между тем про себя думали, что не просто так её высокочество проявляет интерес буквально ко всему, что творится в городе. Сейчас-то она ничего не делает, только смотрит, да вот только что она там высмотрит? Смотрит-смотрит, а потом как... Что именно «как» горожанам было невдомёк, но всё же опасались, а потому не жульничали и не хитрили. Но вот незаметно настал момент открытия ярмарки. Анна накануне лично объехала всех участников-торговцев, заглянула к артистам, погоняла для приличия гарнизон, наказав сменить цвета, а после велела открыть проход в пещеру, вымести оттуда мусор, организовать освещение и как следует разровнять полы. Работу поручили гномам, часть дохода упало в карман принцессы через посредника, гномы задёшево наняли себе в помощь троллей, однако не поленились и сами, выполнив заказ часов за семь. Не привыкшая к такой скорости принцесса подивилась, проинспектировала пещеру и осталась довольна. Тут-то она и проговорила, что церемония открытия двадцатой, юбилейной ярмарки, пройдёт именно здесь вместо центральной городской площади, здесь же будет бесплатное угощение для всех желающих, а к вечеру состоится и бал, а вот саму торговлю нынешняя правительница Сингури повелела начать против обыкновения лишь на третий день после открытия, дабы после гулянки народ мог отдохнуть и приступить к делам уже на трезвую голову. Горожане пожалы плечами, хмыкнули, да ничего не сказали, подумав, что такое безобразие как нарушение давних традиций в честь юбилея вполне простительно, тем более что многим из них и самим надоел годами устоявшийся порядок, народ понадеялся увидеть в кои-то веки что-то новое.

Ожидания горожан оправдались лишь частично. Церемония, как и положено, началась в полдень. Трубачи, начистив свои медные трубы до блеска солнца, трижды протрубили на всех углах Сингури, принцесса в сопровождении свиты выехала из резиденции городского головы, везя в повозке на огромной бархатной подушке золотые с серебряными вкраплениями ключи от города, как того требовали традиции. Одних труб, однако, Анне показалось мало, а потому, едва они (трубы) отзвучали, за дело принялись барабанщики и шествие праздничной кавалькады стало весьма смахивать на марш захватчиков по улицам покорённого города. Хотя и было это сделано принцессой без скрытого подтекста, многие углядели в этом намёк и восприняли это на свой счёт. Так что в этот раз в толпе не раздалось ни одного восторженного вопля, тишина стояла гробовая всё то время, пока Анна ехала к пещерам под звуки барабанов. Выглядело сие действие весьма зловеще, Фарали и Клара переглядывались, но сказать что-то принцессе так и не решились. Но вот Анна спрыгнула с коня, подхватила ключи от города и лично открыла двери в пещеру. Гномы, заранее засевшие внутри, тут же запалили свечи и лампы, оркестр из местных и приглашённых музыкантов грянул праздничный марш. Принцесса устремилась по светящейся дорожке к огромному помосту, следом после небольшой паузы в пещеру хлынули гости и горожане. Если б последние не привыкли к ежегодному однообразию, то вряд ли бы удивились тому, что происходило. Перемены случались редко, да и то по большей части воспринимались негативно, но тут был не тот случай. Утомлённые одним и тем же из года в год происходившим действием, гости и горожане пришли в восторг от нехитрой выдумки

Анны. Конечно, огромная пещера в любом случае не смогла бы вместить всех желающих, но народу набилось чуть ли не с полгорода. Были открыты и соседние пещеры, так что опоздавшим или стоявшим дальше в очереди пришлось плавно перетечь в них, а пока народ распределялся по пещерам, принцесса стояла на помосте, дожидаясь, когда неожиданно загалдевшая доселе молчавшая толпа успокоится и разместится. Разместились-то быстро, но галдёж не стихал, а Анна так и не начинала положенную речь. Наконец кто-то смекнул, что принцесса ждёт тишины, не желая надрывать глотку, как всякий раз до неё делал барон Ваткирн. Галдёж сам собой сошёл на нет, но принцесса всё молчала и молчала. Толпа ждала, искренне недоумевая, почему ничего не происходит. Молчание затягивалось, кое-кто стал проявлять нетерпение, но тут потолок пещеры разъехался и столб света послеполуденного солнца упал точно в центр помоста, как раз на то самое место, где стояла принцесса. Девушка чуть прищурилась, вытянула руку с ключами от Сингури вверх.

– Не знаю, что обычно говорил барон Ваткирн, – Анна оглядела толпу, – но что с того проку? Все знают, зачем мы собрались здесь. Если память не изменяет, то предыдущий городской голова вспоминал всё, что только было можно. Я тоже могу заняться тем же, могу сказать то же самое. Но мы и так всё это слышали, верно? Ну, так вот, я не считаю нужным так бессовестно красть драгоценное время своих подданных.

Толпе понравился такой подход к делу, послышался одобрительный гул.

– Кроме того, – продолжила девушка, опустив руку с ключами, – на этот раз хотелось бы что-то изменить. Как видите, начала я с того, что перенесла церемонию открытия в эти пещеры. Сегодня солнечно, но не каждый год так везёт с погодой, мокнуть под дождём или гореть под солнцем никуда не годится, а потому теперь ярмарку будем открывать здесь.

Эта идея тоже нашла поддержку среди присутствующих, снова одобрительный гул и кое-где даже и вопли.

– Далее, – Анна присела на придвинутое к ней Фарали кресло, – Нашу ярмарку хоть и уважают, ценят, но всё ж есть те, кто откровенно над ней смеётся, называя сборищем мошенников и торгашей. Что ж плохого в том, что сюда съезжаются лучшие купцы? Ну, так пусть эти негодяи с ума сойдут от зависти. Не секрет, что на прочих ярмарках дела обстоят куда хуже, но и мы теперь ничем не уступим им. У них нет театра, такого как у нас. А теперь же я объявляю о начале состязаний, которые так же будут проводиться ежегодно. Лучший лучник получит из моих рук золотую стрелу, лучший воин золотой меч, а победитель турнира, который будет проводиться отныне на Жёлтых Полях близ Сингури, получит серебряную корону от королевы турнира, коей на этот год я провозглашаю Фарали из Кудденов.

Не ожидавшая такого поворота бывшая служанка совсем растерялась, чисто автоматически слегка поклонившись, вытолкнутая быстрее соображавшей Кларой из тени.

– Участвовать могут все, – продолжила Анна, – но не убивать и не калечить. А лучший мошенник получит от меня чан с кипящей смолой. Воров же и прочих обманщиков повелеваю вешать на месте.

Толпа притихла.

– Вот так, – принцесса встала и подняла руку с ключами, – Теперь следует сказать, что ярмарка открыта. О том я и говорю, если кто не понял. И не мешайте слугам, сейчас внесут столы и начнётся пир, ближе к вечеру бал. И вот ещё что: даже в самой задрипанной гоблинской деревеньке есть свой колдун, так почему у нас нет своего колдуна? Неужто мы зазря платим налоги, на которые содержат этих дармоедов из академии? А посему, пока мы не получим своего умника, всем магам, знахарям и прочим любителям колдовства участвовать в состязаниях запрещается. Да начнётся!

Анна скрылась в тени, выйдя из столба солнечного света, перевела дух и посмотрела на Фарали. Та всё ещё пребывала в полной растерянности от «сюрприза».

– Ничего, справишься, – заверила бывшую служанку принцесса, – потом пригодится. Платье для тебя уже готово, корона тоже, обе готовы.

– Обе? – спросила Фарали.

– Ну, да, – пожала плечами принцесса, – что за королева без короны? Твоя из золота, победителю из серебра. Пока я тут хозяйка, будешь королевой турнира. Пусть злятся сволочи.

– А я? – решила уточнить Клара.

– А что ты? – переспросила Анна, – Если Фарали уступит, можешь и ты быть королевой турнира.

– Уступлю, – тут же кивнула головой сама Фарали.

– Я против, – сказала принцесса, – так что не в этот раз, а там видно будет.

– Так что же я? – дочь канцлера никак не хотела сдаваться.

– Клара, – вздохнула Анна, – ты хочешь чего-то конкретного?

– Сама не знаю, – призналась подруга, – все чем-то заняты, а как же я?

– Ты, если ещё не забыла, – сказала её высочество, – мой заместитель и помощник. Я-то думала дать тебе побездельничать, но раз ты настаиваешь... Тогда бери вояк сколько надо да езжай к барону Ваткирну и притащи мне его хоть из-под земли, есть к нему разговор.

– А если не поедет? – уточнила Клара.

– Как это не поедет? – рассердилась принцесса Анна.

Дочь канцлера тяжело вздохнула, поморщилась и без видимого удовольствия отправилась исполнять поручение. Сама принцесса осталась в пещере, поручив Фарали заботам нескольких слуг, которые должны были закончить платье свежеспечённой королевы турнира, подогнав его по фигуре, то же проделать с короной и с обувью. Анна спустилась с помоста и пристроилась в уголке пещеры, стараясь ничем не выделяться среди гостей, что ей и удалось – разношёрстный народ был падок на угощения, так что гостям было чем заняться, не упустила своих сладостей и сама девушка. До вечера оставалось ещё прилично времени, так что нашлось время и для послеобеденного сна, принцесса скрылась за помостом да там и продремала до начала бала, проснувшись минут за двадцать до открытия оногo. Тут как раз вернулась Фарали, разодетая не хуже самой настоящей королевы. Слугам показалось мало лишь платья и короны, какой-то умник проявил инициативу и добавил к наряду самую настоящую королевскую мантию, обшитую по краям серебром. Так что выглядела бывшая служанка весьма внушительно, портил картину лишь двуручный меч, торчащий из-за спины девушки. Анна пригляделась и с неудовольствием отметила, что меч был боевым, хоть и сиял, начищенный от души. Однако, опытного человека этот блеск обмануть бы не смог. «Раз так,» – подумала принцесса, – «то и бал открывать тебе». Подумала и передумала, покосившись на Фарали – сомнительно, что в таком облачении подруга могла бы танцевать, придётся ей или стоять столбом, или отсиживаться за столами. Сама же Фарали была довольна этим обстоятельством, потому как терпеть не могла танцы в отличие от принцессы Анны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.